

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОЛЕКСЫ КИРИЯ НА НИВЕ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Виктор Чумаченко

УДК 821.161.2Кир(470.62)

Олексу Кирия в конце жизненного пути по праву называли «старейшим поэтом Кубани». Он был той связующей нитью, которая соединяла дореволюционный и советский периоды литературного развития края. Ведь родился Алексей Андреевич в 1889 году (в прошлом году мы отметили 125-летие со дня его рождения); столетний рубеж перешагнули и его первые книжечки: пьеса «Сибіряки» (1909) и дебютный сборник стихов «Рідна нива» (1910).

Такое схождение юбилейных дат не осталось незамеченным наследниками писателя и почитателями его поэтического слова, решившими порадовать читателей неопубликованными материалами из архива писателя. А неопубликованным прежде всего оставалось главное прозаическое творение Олексы Кирия — его беллетризованный автобиографический роман «Моя жизнь». Машинопись этого более чем шестисотстраничного произведения сохранила для потомков его внука — Консуэлла Алексеевна Кирий. Для публикации отдельной книгой мы отобрали первую часть воспоминаний писателя, отражающую его становление как творческой личности — молодого лирического поэта, страстного любителя театра, начинающего драматурга и театрального критика (книга вышла в 2012 г.).

Автор работал над рукописью, очевидно, с конца двадцатых годов и до конца своих дней, т. е. четверть века. Все это время укладывается в эпоху, которую историки называют сталинской. Литератор ежедневно ощущал за своей спиной тревожащее дыхание тех непростых лет, писал, отсеивая все, что не ложилось в прокрустово ложе марксистской идеологии, порой смещая акценты в освещении тех или иных событий, и все это только для того, чтобы увидеть свое детище опубли-

кованным. Его рукопись — такой же продукт эпохи, как и ее герои. Так к ним и надо относиться. В 1954 году, когда Олекса Кирий ушел из жизни, трудно было поверить, что когда-то все будет по-другому.

А еще «Моя жизнь» интересна теми эпизодами, которые писатель оставил, не увидев в них никакой крамолы. Чего стоит, например, сцена, когда в глухом дореволюционном украинском селе учитель поднимает весь класс и заставляет воспитанников хором множество раз повторять: «Мы русские! Мы русские! Мы русские!» Холодок по коже...

Других впечатляющих документов, рисующих нам облик истинного поэта, сохранилось не так уж много. Самыми ценными, пожалуй, являются скупые воспоминания о деде, сохранившиеся в памяти его любимой внучки. Особенно запомнившаяся Консуэлле Алексеевне картина раннего лета, родимый дворик неподалеку от Затона и Алексей Андреевич, задумчиво прогуливающийся в глубине двора в тени «уродившего вишняка». Наверное, багрово-красные и терпкие плоды напоминали ему оставленную навсегда Украину. В тени любимых деревьев, должно быть, легко рождались новые поэтические строки. Человек таков, каким его запечатлела память близких людей...

Однако пора обратиться и к документам. Сохранилось несколько жизнеописаний Кирия, сделанных им собственноручно в разные годы. И всегда рассказ о жизни он начинает с описания трудного детства, беспросветной нужды, царившей в отчем доме. Украинское крестьянство издавна страдало от нехватки плодородной земли, голод гнал лучших его представителей на освоение Кубани, Дальнего Востока и Сибири, Канады, Южной Америки

и Австралии. Кубанцем в первом поколении было суждено стать и Алексе Кирию. Вот как он рассказывает об этом в одном неопубликованном автобиографическом наброске:

«Родился я в 1889 году 11 февраля в селе Крупичполь Борзенского уезда Черниговской губернии. Отец мой, бедный крестьянин-хлебороб, имел пять детей. Родные мои батрачили. С раннего детства пришлось ходить на заработки и мне. Учиться я начал еще дома: мать учила. Потом пошел в сельскую школу, которую закончил двенадцати лет. После этого меня отдали в городе Нежине в магазин “мальчиком”. Там я проработал 1902–1903 годы, потом был уволен как лишний. Приехал домой, а там бедность и нужда. Думали-думали отец и мать, как поступить со мной, и решили отправить меня в село Парафиевку, где я поступил рабочим на сахарный завод пана Харитоненко. Много пришлось мне испытать там нужды и незаслуженных обид. В 1906 году я выехал на Кубань в город Екатеринодар, куда почти каждое лето ходил на заработки мой отец. Долго искал я работы и наконец поступил в архив Окружного суда переписчиком» [7].

Таким образом, семнадцатилетний юноша обосновался в Екатеринодаре и обрел здесь свою вторую родину. Но тоска по оставленному селу, родному Крупичполю, еще долго томила хлопца в «шумливом, неприветливом городе». Хотелось кому-нибудь рассказать о волновавших его чувствах. Из глубины души рвались наружу и сладостно томили поэтические строки, которые не сразу решился он перенести на бумагу, а тем более показать знакомым.

Я ніколи не забуду,
Доки маю мрії,
Хатки білі малесенькі
Гаї чарівнії.
Луки, поле та городи,
Садки мої милі.
І квітоньки,
Що під тином
Навколо пахтіли...

Служба в суде оставляла много свободного времени. Ощущая потребность в учебе, в расширении своего кругозора, Олекса быстро пристрастился к чтению. Среди разнообразных книг, взятых для прочтения в недавно открывшейся городской библиотеке им. А. С. Пушкина, где директорствовал украинский писатель Гаврила Доброскок, все чаще превалировали поэтические сборники. А начало собирательству личной библиотечки положил купленный на улице Красной в магазине Галаджианца томик «виршей» Тараса Григорьевича Шевченко.

Увлекает юного чиновника и театр, особенно гастроли украинских трупп, которые, начиная с ранней весны и до поздней осени, сменяли одна другую, найдя в столице кубанского казачества преданную и благодарную публику. Очень скоро эти два увлечения, поэзия и театр, станут судьбой юного Олексы и во многом определяют его дальнейшее духовное развитие.

Говоря о молодости, писатель еще не раз скажет о бытовой скудности и угнетенности духа. Но взгляните на помещенную здесь фотографию того времени. Изображен на ней удивительно красивый, исполненный внутренней гармонии, вполне раскрепощенный молодой человек. Да, тогда у него еще не было собственного жилья, и в убогой каморке на стенном крюке сиротливо висел единственный потертый костюм. Не густо, а у кого из большинства его сверстников, мечтавших о славном будущем, было больше? Зато какие прекрасные слова о любви нашептывали ему темные южные ночи, когда в компании таких же заядлых театралов-любителей он возвращался домой, «под мрачные своды» казачьей мазанки!

Его первые стихи опубликовала газета «Кубанский курьер», охотно предоставлявшая свои страницы украинским авторам. 19 июня 1909 года там появилась басня «Розумний» («В селі біля ставка...»). Вскоре на начинающего поэта обратила внимание и украинофильствующая «Новая Заря». Через два

месяца она растиражировала его лирическое стихотворение «Я ніколи не забуду, доки маю мрії...» (17 сентября, № 870). Затем оба издания, словно соревнуясь в борьбе за молодого и перспективного автора, попеременно печатают его все новые поэтические произведения: «Думи» («Думи мої, голубоньки...»), «В моему садочку листки вже опали...», «Рідний край» и др. Появляются и первые псевдонимы: Олекса Карій, Олекса Кириї, О. Круничпольский.

Публикации принесли не только радость, но и горечь ссоры с первым литературным наставником. Им был хорошо известный екатеринодарским читателям поэт Яков Васильевич Жарко, печатавшийся также под псевдонимами Лёва Колючка и Пан Шпилька. «Это был старый буржуазный поэт, самолюбивый и неискренний», — говорит о нем автор воспоминаний. Характеристика не совсем справедливая. Яков Васильевич осел в Екатеринодаре двумя годами раньше Олексы Кирия, в 1904 году. К тому времени он уже был автором трех книг поэзии и прозы, а также сборника басен. Позади осталось революционное прошлое, скитания с украинской театральной труппой по городам России, скупые строки рецензентов, отмечавших его выступление в характерных ролях. В столице Кубани ко времени их разрыва с Олексой уже вышли понравившиеся кубанцам «Пісні» и несколько просветительских брошюр. Почувствовав в молодом поэте соперника, Жарко просто обиделся, что нередко случается в литературном мире, и, собрав в пакет подаренные учеником газеты с первыми стихами, поздравительные открытки и прочую мелочь, отправил их по месту службы Олексы с запиской следующего содержания: «Господин Кирий! Ввиду того неуважения, которое Вы оказали мне, возвращаю ваше вам и прошу вас вернуть мне мое. Навеки выбрасываю вас из души и сердца. Яков Жарко».

А Олекса поначалу и не думал становиться поэтом. Его неудержимо влек театр. Вот почему отдельным изданием вышли не стихи, а его первое драматургическое сочинение — драма

«Сибіряки» [11]. Сам автор так рассказывает об обстоятельствах ее появления в неопубликованном автобиографическом наброске «З мого життя», написанном по просьбе историка украинской литературы Микола Плевако: «Мне 18 лет. Пишу пьесу под названием “Сибіряки, або вірна пара”. Это была первая работа на моей литературной ниве. Написав эту небольшую пьесу, я не вышел за рамки того общего шаблона множества украинских пьес: село, любовь, убийство, Сибирь, каторга — вот главные мотивы пьесы. Но я был счастлив» [9]. 19 апреля 1909 года было получено разрешение на постановку пьесы Главным управлением по делам печати. Впервые она была поставлена 26 декабря 1911 года в здании Выселковского иногороднего училища местными любителями драматического искусства с участием автора, который играл роль Тимоша. А тогда, в 1909-м, она разлетелась по станицам в виде небольшой книжечки, изданной на средства Олексы Кирия. Сам он вряд ли осилил бы это мероприятие. «Единственными советчиками в этом деле были два приятеля мои, — рассказывал он гораздо позднее во втором письме уже упомянутому М. Плевако, — наборщики из типографии “Основа”, где печаталась газета “Кубанский курьер”, такие же парни, как и я, это: Дмитро Мокроус и Петро Тарабановский. Все мы играли в украинском любительском кружке, и вот я написал пьесу, а они набрали ее в типографии, и так явилась пьеса “Сибіряки” в свет» [26, с. 354]. На выход пьесы кубанского автора откликнулась, правда, всего лишь несколькими строками, авторитетная киевская газета «Рада» [17].

Охватившая начинающего драматурга эйфория подвигла его на написание еще одной пьесы, однако печатать ее он не стал, посчитав не очень удавшейся. Зато решил попробовать свои силы на ниве театральной критики. Причем писать он решил о любимом всеми екатеринодарцами украинском театре. Однако ему удалось осветить лишь летние гастроли 1914 года труппы С. Глазуненко. Заметки по-

свящались постановкам традиционного классического репертуара — пьес «Недолюдки», «Безталанна», «Лимерівна», «Вій», «Запорожець за Дунаєм» [21; 6; 15; 24; 19; 16; 4; 3; 14; 5; 20] и др. Написаны рецензии легко и со вкусом, но среди читателей по их поводу возникли нешуточные споры. Дело в том, что писались и печатались они на украинском языке. Одни говорили, что это хорошо, другие не соглашались, утверждая, что лучше бы писать по-русски, так как не все читатели понимают украинский язык и потому не могут понять «действительной оценки игры артистов». На стороне автора были редактор «Кубанского курьера» М. Финкельштейн и секретарь редакции Л. Ямпольский (Надеждин). Конечному делу положил военный цензор Л. Соколов, предложивший однажды рассыпать набор уже подготовленной к печати театральной рубрики. Очевидно, его жесткость объясняется законами военного времени — уже третий месяц бушевала Первая мировая война, одним из противников России в которой была Австро-Венгрия. Бои шли и на территории входившей в ее состав украинской Галиции. Огорченный рецензент навсегда забросил это занятие, всецело отдавшись поэзии.

Увлечение театром помогло Алексе найти свою вторую половину — женщину, которую он до конца жизни любил безмерно и которой посвящал все свои стихи. Прасковья Михайловна Кирий (урожденная Чеботарева) родилась 30 октября 1889 года в селе Лопуше Трубчевского уезда Орловской губернии в семье крестьянина, ушедшего на заработки в шахтерский Донбасс. Когда мать умерла от холеры, отец назад не вернулся, и «добрые люди» отвезли девочку в Трубчевский сиротский приют. Там ее научили читать и писать, а также шить и вышивать, вязать, работать на огороде. Пришло время поступать в гимназию. Воспитаниц приюта туда принимали, но нужно было приобрести гимназическую форму, денег на которую не было. Помог богатый купец, отец барышни, которую Прасковья взялась готовить к экзаменам. Училась сирот-

ка хорошо. Иногда ее приглашали в качестве бесплатного репетитора в богатые дома и после занятий оставляли пообедать. Гимназию она окончила с золотой медалью. Потом долго собирала деньги на дорогу в Екатеринодар, к тетке. Жала рожь у зажиточных крестьян за двадцать копеек в день. Так в 1908 году девушка оказалась в казачьей столице. Тетки в городе уже не застала. Приютили чужие люди, а на работу устроилась учительницей. В маленькой комнатухе, которую она занимала, имелись лишь небольшой стол, застеленный газетой, на котором лежали томики стихов, взятые в библиотеке, стул и кровать, застеленная старым байковым одеялом. В эту комнату она возвращалась поздно вечером, так как после работы бежала на репетиции любительского драматического кружка под руководством банковского служащего Ивана Тарасовича Семенихина.

Однажды (это было в 1909 году) на репетицию пришел красивый молодой человек вдохновенной наружности. Семенихин представил ей незнакомца. Это был писарь окружного суда Олекса Кирий. Он был уже известен как местный украинский поэт и драматург. Вечер знакомства закончился долгим провождением по темным екатеринодарским улицам. Олекса и Прасковья по очереди рассказывали друг другу о своей прошлой жизни, будто предчувствуя, что скоро две судьбы сольются в одну общую. И действительно, через десять дней молодые поженились. Поэт перевез к молодой супруге скромный сундучок, в котором лежала пара белья, полотенце да старые носки. Прасковья Михайловна вытянула из-под кровати свой чемоданчик, в котором хранились ее единственное платье, сорочка и штопаные чулки. Вместе от души посмеялись они над общим богатством, но чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Вскоре наняли квартиру на Дубинке. За пятьдесят копеек молодожены купили этажерку для книг, за рубль — большую бронзовую лампу и выписали себе «Библиотеку самообразования». С тем и зажили, мечтая о сыне, которого решили на-

звать обязательно Алексеем, чтобы в семье был Алексей Второй.

Олекса писал стихи, а Прасковья перепечатывала их на машинке, относила в редакцию, получая после публикации гонорар. Незаметно для себя освоила и горячо полюбила украинский язык. Мужу она доверяла все самое сокровенное, была верным помощником. Лишь одну тайну не спешила открыть даже любимому. Тайком от мужа она стала переводить его стихи на русский язык. Эти переводы так и остались неопубликованными.

Дебютный сборник стихов Олексы Кирия «Рідна нива» вышел 1 сентября 1910 года в екатеринодарской «друкарне» (типографии) «Основа», в той самой, где печатался «Кубанский курьер», благодаря неожиданному меценатству культурного земляка Василия Прокофьевича Донченко. Когда-то он начал «мальчиком» в магазине Богорсуковых, а теперь держал в городе большой мануфактурный магазин. Единственный экземпляр книги мне удалось обнаружить в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Скромная, в 24 странички, тетрадь, обложку которой пронзает высокий полевой цветок. Это украшение призвано было настроить читателя на лирический лад и восприятие тонких душевных переживаний, отлитых в чеканную форму небольших по объему стихов, посвященных родному краю, матери, отцу, любимой женщине, а также «Моему учителю Я. В. Жарко» («Ти дав мені арфу...»), неожиданный разрыв с которым бередил впечатлительную душу поэта. Чувствовалось еще одно неназванное, но осязаемое влияние, которое тогда испытывал на себе молодой стихотворец. Как и его учитель Я. Жарко, он не стеснялся в отдельных своих стихах подражать музе бессмертного Тараса Григорьевича Шевченко, особенно когда обращался к жанру думы:

Думи мої, голубоньки,
Думи мої, квіти,
З вами мої сизокрилі
Ще бажаю жити.

З вами жить мені не сумно,
Я плачу й співаю;
Вами, думи мої вірні,
Серце розважаю.

Начало двадцатых годов ознаменовалось заметным подъемом украинского литературного движения на Кубани. В Краснодаре и окрестных станицах (Старокорсунской, Полтавской) зарождаются литературные кружки «початковцев» (начинающих), издававшие крохотные машинописные журналы. Молодые поэты искали стиль эпохи, придавая своему поэтическому голосу созвучные ей, как им казалось, металлические нотки. Им уже не по пути с поэтами старой поэтической школы, но они пока еще терпят в своих рядах Олексу Кирия, дорожат единственным профессиональным литератором, который может в случае необходимости дать добрый совет. Член украинской секции Краснодарской ассоциации пролетарских писателей Вера Коржевская рассказывала сыну, как после шумных поэтических собраний всей толпой шли по улице Красной, по традиции провожая домой супругов Кирий, — своеобразная дань уважения старейшине местного поэтического цеха [12, с. 39].

В 1926 году Олексе Кирию удастся издать свою лучшую поэтическую книгу — «Збірка поезій» [10]. Вышла она с предисловием местного украиноведа М. Садиленко, который, словно предчувствуя надвигающуюся на автора беду, особо отметил черту, которая ярко пробивается во всех произведениях поэта; эта черта — «необыкновенная любовь и преданность украинскому селу, темным, затурканным, изувеченным жизнью и бедами селянам».

Увы, этого было недостаточно. В стране победившего пролетариата крестьянству была уготована участь перегноя, на котором должны были взрастать цветы социализма. Создающаяся по жестким идеологическим лекалам новая советская литература готова была взять крестьянских поэтов разве что в «попутчики». Не помогла и зародившаяся уже в те годы хитрость открывать книгу «па-

ровозиками» — стихами о Ленине, партии и революции. Впрочем, вначале критика осталась безучастной к новинке. Но в 1930 году альманах «Ленінським шляхом», издававшийся Краснодарской ассоциацией пролетарских писателей, заклеил-таки поэта устами начинающего критика Ивана Тахненко. В своем «критическом опыте» «К вопросу о поэзии на Кубани» [12] он называет Олексу Кирия очень «плодучим» (плодовитым) в смысле количества производимой им поэтической продукции, но со стороны содержания обнаруживает у него множество ошибок. «Они (по его мнению) являются результатом того, что т. Кирий практического участия в революции не принимал, стоял в стороне от событий, которые и преобразовывают человека на новый лад; да и сейчас он пребывает в каком-то одиночестве». Обращаясь к анализу стихотворений, молодой критик обвиняет поэта в том, что тот «все рассматривает через американскую призму, тем самым затемняя действительность, затуманивая головы современным читателям». Особенно его возмущают лирические стихи. «Это что же, батраку больше нечего делать, как ходить к речке и играть на сопилке?»¹, — иронизирует он. А потом со всей свое молодецкой силой обрушивается на стихотворение «Подсолнух»: «Это теперь, когда посевов больше, чем до войны? Когда на Кубани вся степь коллективная и не осталось ни одного шматка незасеянного, а у т. Кирия серая степь и только один подсолнух желтеет?» И далее бескомпромиссный вывод: «С такими пятилетку не выполнить и за 50 лет».

Поэт и сам чувствует некоторую несочувственность своей лиры пролетарской литературе. Но он готов исправиться и в 1931 году выпускает новый сборник «У ногу з днями». Однако попытка заменить в своем репертуаре нежные трели сопилки на барабанную дробь социалистических менестрелей оказалась неудачной. В новом амплуа он оказался и неорганичным, и неубедительным. Рапповская критика вновь обвиняет его в попытках примазаться к новой власти.

А тут и новая беда! В декабре 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) на Кубани был запрещен украинский язык, объявленный оружием контрреволюции в ее борьбе против советской власти. Знаменитый украинский писатель Василь Барка вспоминал на склоне лет: «Около здания пожарной команды напротив собора Св. Екатерины встретился поэт Олекса Кирий, сказал, что хочет поговорить со мной о важном деле. Никакой надежды на возобновление украинской литературы нет, заверил он. Это конец — навсегда. Необходимо срочно переходить на русский язык. Откроются возможности для дальнейших публикаций. Вот он по-русски уже пишет эпическую поэму “Адыгиада”, и первая часть ее уже принята к публикации» [2, с. 3, 78].

Адыгская тема — особая глава в жизни и творчестве Олексы Кирия. Конечно, пришел он к ней не в горестные дни погрома украинской культуры Кубани, а задолго и исподволь набираясь соответствующих познаний и впечатлений, чему способствовала многолетняя работа в Адыгейском областном суде и крепкая дружба, связавшая его с деятелями горской культуры, прежде всего с Ибрагимом Цеем. Эти побратимские отношения реализовались сначала в ряде переводов стихов О. Кирия на адыгейский язык. Они были опубликованы в первых национальных литературно-художественных альманахах и сборниках адыгов [1]. Поэт также пробует перевести на украинский язык творения своего друга [18, с. 1], но подлинный успех принесли ему переложения из адыгского фольклора.

Первая подборка появилась в знаменитом харьковском журнале «Східний Світ» в 1928 году [13]. Дебют оказался столь успешным, что автору порекомендовали подготовить отдельную книгу. Она вышла в 1932 году в Харькове с предисловием классика адыгейской литературы Т. Керашева и под редакцией Максима Рыльского [25]. Не знаю, когда и какая причина привела к опале этой книги, но десятилетия спустя, на исходе советской власти, я обнаружил ее единственный

экземпляр в спецхране Ленинской библиотеки, где томились в заточении репрессированные советской цензурой издания. А тогда, на волне успеха, он перевел эти песни и на русский язык. В частном архиве сохранился издательский экземпляр рукописи с резолюцией П. Иншакова: «В печать. 28.V.41 г.». Стремясь закрепить успех, Кирий переводит на украинский язык народные песни аварцев, чеченцев, лакцев и кумыков. Очевидно, осуществиться этому проекту помешала все та же война (рукопись также сохранилась, готовится к изданию).

Несколько слов скажем и о большой эпической поэме «Адыге» («Адыгиаде», как ее назвал Василь Барка), работе над которой О. Кирий отдал почти два десятилетия кропотливого труда. Первая часть поэмы вышла в 1941 году, вторая — в 1948-м. Эта грандиозная попытка показать исторический путь адыгского народа на протяжении последних столетий могла бы быть успешной, если бы мы не жили в стране, где регулярно переписывается история, в том числе история кавказских народов. Иной, чем описана в книге Олексы Кирия, видится она сегодня современным адыгским ученым. Вот почему все попытки учительницы, энтузиаста-краеведа из поселка Афицкого Миры Меретуковой переиздать эту книгу в Майкопе успехом не увенчались. Лишь в 2013 году она вновь вышла в Краснодаре, вызвав огромный интерес во всех черкесских республиках Северного Кавказа.

1 мая 1942 года в дом Олексы Кирия пришло большое горе — умерла Прасковья Михайловна. С тех пор он писал стихи только о ней, о своей дорогой Эвридике:

Я грущу, что сегодня мороз,
В день твоих дорогих именин,

Что в саду нет фиалок и роз.
Не цветет твой любимый жасмин.

В этот день, если б силу имел,
Я б цветам всем цвести повелел,
Чтоб в саду соловей песни пел,
Твое имя в тех песнях хвалил...

А как же творчество на родном языке? Писал ли он в стол, дожидаясь реабилитации родного слова? Наверное, мы об этом уже никогда не узнаем. В годы фашистской оккупации Краснодара группа местной интеллигенции из числа профессоров Краснодарского педагогического института основала в местной газетенке «Кубань» украинскую «страничку». Опубликовать свои украинские стихи предложили и Олексе Кирию. Эти предложения он гневно отверг. В 1943 году, после освобождения Краснодара, поэт собрал воедино переводы супруги из украинских поэтов и отнес в издательство. И на этот раз его судьба хранила, ибо сборник не дошел до ЛИТО, где выяснилось бы, что для перевода любимая супруга избрала, наряду с классиками XIX ст. С. Руданским, Я. Щеголевым и В. Александровым, расстрелянного большевиками еще в начале 1920-х годов талантливейшего Г. Чупринку, певцов украинской «незалежности», несомненных классиков XX в. В. Самийленко и Александра Олеся.

Незадолго до смерти поэта, в 1952 году, вышла книга его избранных произведений [8]. Хотя в предисловии и говорилось об украинском периоде в творчестве Олексы Кирия, книга составлена целиком из русскоязычных стихов 1930–1940-х годов, написанных преимущественно в жанре газетных передовиц тех заидеологизированных лет. Так что настоящего подведения итогов его творчества, я думаю, так и не состоялось. Возможно, оно еще впереди.

¹ Речь идет о стихотворении «Пастух».

Розвідки та матеріали

Олекса Кирий. 1911 р.

Обкладинка першого видання поеми «Адыге». Краснодар. 1941 р.

Обкладинка книги перекладів з адигейського фольклору. Київ. 1932 р.

Олекса Кирий із групою артисток самодіяльного українського театру

1. Адыге шхафит (Свободный адыг) / пер. с укр. И. Цея. – Краснодар, 1929.
2. Барка В. Кубань я оставил навсегда... // Родная Кубань. – 1998.
3. «Безталанна» // Кубанский курьер. – 1914. – 15 июля.
4. «Вій» и «Закоханий пан Цуцик» // Кубанский курьер. – 1914. – 8 июля.
5. «Запорожець за Дунаєм» и «Грішниця» // Кубанский курьер. – 1914. – 8 августа.
6. «Запорожский клад» // Кубанский курьер. – 1914. – 22 июня.
7. Кирий Алексей Андреевич. [Автобиография]. – Авторизованная машинопись. Личный архив В. К. Чумаченко. – Л. 1.
8. Кирий А. А. Избранное. – Краснодар : Краевое книжное издательство, 1952. – 94 с.
9. Кирий О. З мого життя. – Центральный державный архив-музей литературы и искусства Украины, ф. 271, од. зб. 1, спр. 261, арк. 26–27.
10. Кирий О. Збірка поезій. – Краснодар, 1926. – 136 с.
11. Кирий О. Сибіряки, або вірна пара. Драма в 4-х дійствах і 1 картині. – Екатеринодар : Основа, 1909. – 23 с.
12. Коржевский А. Г. Мой отец Юрий Коржевский // Кубань: проблемы культуры и информатизации. – 1999. – № 2.
13. «Красуні гір на порогах хат за рукоділлям...»; «Пісня про руського генерала Вельямінова»; «Пісня про Шеретлуко Кізбїч»; «Пісня про виселення черкесів в Туреччину в 1864 році» // Східний Світ. – 1928. – № 3/4.
14. «Лимерівна». Бенефис А. Е. Беляевой // Кубанский курьер. – 1914. – 22 июля.
15. «Мазепа» // Кубанский курьер. – 1914. – 24 июня.
16. «Недолюдки» // Кубанский курьер. – 1914. – 4 июля.
17. [О пьесе «Сибіряки»] // Рада. – Київ, 1909. – 7 июля (20 липня). – № 152.
18. Пісня колективу (із Ібрагіма Цея – черкеського поета) // Новим шляхом. – 1930. – Позачерговий номер.
19. «Смерть за честь» // Кубанский курьер. – 1914. – 29 июня.
20. Спектакли С. А. Глазуненко // Кубанский курьер. – 1914. – 17 сентября.
21. Спектакли С. А. Глазуненко. «Чаклунка» // Кубанский курьер. – 1914. – 20 июня.
22. Тахненко І. І. До питання про поезію на Кубанщині (критична спроба) // Ленінським шляхом. – 1930. – № 1. – Серпень. – С. 47–51.
23. Тихахо (Наш рост) : литературно-художественный сборник (альманах) Адыгейской писательской организации. – Краснодар, 1934.
24. «Хмара» // Кубанский курьер. – 1914. – 26 июня.
25. Черкеські пісні, легенди, міти / пер. Олексі Кирія. – Харків ; Київ : ЛІМ, 1932. – 122 с.
26. Чумаченко В. К. Кубанские персоналии в «Библиографическом словаре украинских писателей» М. Плевако // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сборник статей. – Краснодар, 2004. – Вып. 2.